

ТОЛÓКА

Сборник статей к 60-летию А.Б. Мороза

ТОЛÓКА

Сборник статей
к 60-летию
А.Б. Мороза

Российский государственный
гуманитарный университет
Центр типологии и семиотики фольклора

Russian State University for the Humanities
Center for Typological and Semiotic Studies of Folklore

Традиция – текст – фольклор:

типология и семиотика

Основана в 2000 г.

ISSN 2413-2721

Tradiciâ-tekst-fol'klor. Tipologiâ i semiotika

Ответственный редактор серии

С.Ю. Неклюдов

ТОЛО́КА

Сборник статей
к 60-летию А.Б. Мороза

Москва
2025

УДК 398(08)
ББК 82я43
Т52

Ответственный редактор *Н.В. Петров*
Редакторы-составители: *О.В. Белова,*
О.Б. Христофорова, Н.А. Савина, В.А. Воробьев

Рецензент
В.В. Головин
доктор филологических наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Рекомендовано к публикации
Редакционно-издательским советом РГГУ

В оформлении обложки использована иллюстрация Д.Л. Свистовой

ISBN 978-5-7281-3541-8

© Петров Н.В., Белова О.В.,
Христофорова О.Б., Савина Н.А.,
Воробьев В.А., составление, 2025
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2025

Содержание

Предисловие.....	11
------------------	----

1. Фольклорные нарративы и песни: сюжеты, мотивы, язык

<i>Толстая С.М.</i> Тема семьи и родства в олонечских причитаниях	18
<i>Неклюдов С.Ю.</i> «Сила хмеля» (АаTh 485В*): сюжетные версии на перекрестье традиций	35
<i>Кабакова Г.И.</i> Мотив шипов и колючек в этиологических сказках и легендах	50
<i>Березович Е.Л.</i> Рус. диал. отландер: от «младшего канонира» к «хулигану»	61
<i>Христофорова О.Б.</i> «Дети у тебя вытные, Кирилловна»: заметки об этикете и словарях народных говоров	76
<i>Володина Т.В.</i> Пасхальные мотивы белорусских заговоров в контексте фольклорной Библии	91
<i>Ахметова М.В., Лурье М.Л.</i> «Свои песни», или Рождение автора в наивной поэзии	104
<i>Воробьев В.А.</i> От вина до самогона: топика пьянства в студенческих песнях	127

2. Народная книжность и письменные традиции

<i>Пигин А.В.</i> Кто был автором Слова похвального Пахомию Кенскому?	153
<i>Женюх П.</i> Рукописные кириллические тексты восточной Словакии: Иоанн Югасевич – книжник Мукачевской греко- католической церкви второй половины XVIII века	163

<i>Женюхова-Шашерина С.</i>	
Об одном апокрифическом тексте в составе Литмановской рукописи	177
<i>Антропов Н.П.</i>	
Белорусская Камаедзіца: незамеченное свидетельство и его атрибуция	184

3. Архивы, документы, находки

<i>Королёва С.Ю.</i>	
Помянники: церковный жанр и вернакулярная религиозность (к постановке вопроса)	199
<i>Белова О.В.</i>	
Беседы с уполномоченным: странички из жизни еврейской общины Смоленска 1950-х гг.	215
<i>Лурье В.Ф.</i>	
Рукопись, найденная на Тверщине	231
<i>Попович-Николич Д.</i>	
Фольклорный архив философского факультета в Нише: на пути к созданию цифрового архива	243

4. Этнография повседневности: вещи, тексты, люди

<i>Толстая М.Н.</i>	
Мороз в поле. Начало (полевые материалы А.Б. Мороза из Полесья)	251
<i>Раденкович Л.</i>	
Святочные духи у славян	266
<i>Амосова С.Н.</i>	
Немного о погоде и Хапуне: представления о еврейских осенних праздниках у иноэтничных соседей евреев	280
<i>Федосова К.А.</i>	
Коля Кошкарев из Прибайкалья – «человек сам по себе»	289
<i>Трофимов А.А.</i>	
Магический текст до и «в эпоху его [технической] воспроизводимости»	301
<i>Веселова И.С.</i>	
Медные складни и кресты: иконография схизмы, «жетон» старовера и народный промысел эпохи технической воспроизводимости	319

<i>Комарова В.А.</i>	
Особенности севернорусской Масленицы (по материалам архива Лаборатории фольклористики РГГУ).....	335
<i>Рычкова Н.Н.</i>	
Церковь vs клуб: память о месте в нарративах сельского сообщества	355
<i>Савина Н.А.</i>	
Иван Яковлевич Корейша в музее Егорьевска.....	374

5. В честь юбиляра: методология, полевые исследования, диалоги

<i>Петрова Н.С.</i>	
Размышления о понятии «фольклор» в контексте преподавания фольклористических дисциплин в высшей школе.....	399
<i>Куприянов П.С.</i>	
Разговоры о снах: в поле, в книге, на сцене.....	406
<i>Агафонова М.А., Сельченкова С.П.</i>	
«Жизнь подходит к июню-июлю, что-то ёкает в сердечке»: фреймирование фольклорных экспедиций студентами ВШЭ.....	437
<i>Петров Н.В.</i>	
Собиратель не vs информант: устная история и личные воспоминания в диалоге ученых.....	454
<i>Хафизова Л.Р.</i>	
Каргопольское путешествие: десять лет спустя.....	507
«Полевой дневник»: воспоминания участников экспедиций разных лет.....	519
Библиография трудов А.Б. Мороза.....	557

Contents

Preface	11
---------------	----

Folklore Narratives and Songs: Plots, Motifs, Language

<i>Svetlana M. Tolstaya</i>	
The theme of family and kinship in the Olonets lamentations	18
<i>Sergey Yu. Neklyudov</i>	
“The power of booze” (AaTh 485B*).	
Story versions at the crossroads of tradition	35
<i>Galina I. Kabakova</i>	
The motif of thorns and prickles in etiological tales and legends.....	50
<i>Elena L. Berezovich</i>	
Russian dialectal word <i>отландер</i> : from ‘cannoneer assistant’ to ‘hooligan’	61
<i>Olga B. Khristoforova</i>	
“Your kids are vytynye, Kirillovna”: notes on ethos and dictionaries of folk dialects.....	76
<i>Tatsiana V. Valodzina</i>	
Easter motifs in Belarusian charms in the context of the Folk Bible	91
<i>Maria V. Akhmetova, Mikhail L. Lurie</i>	
‘One’s own songs’, or Birth of an author in naïve poetry	104
<i>Vasiliy A. Vorobyov</i>	
From wine to moonshine. The topic of drunkenness in student songs	127

2. Folk Literature and Written Traditions

<i>Alexandr V. Pigin</i>	
Who is the author of the <i>Word of Praise</i> to Pachomius Kensky?	153
<i>Peter Žeňuch</i>	
Handwritten cyrillic texts of Eastern Slovakia. Ioann Juhasevič – the scribe of the Mukachevo Greek Catholic Church of the second half of the 18th century	163

<i>Svetlana Žeňuchová Šašerina</i>	
About one apocryphal text	
included in the manuscript from Litmanová	177
<i>Nikolai P. Antropov</i>	
Belarusian Kamaedzica:	
unnoticed evidence and its attribution.....	184

3. Archival Materials, Documents, and Field Discoveries

<i>Svetlana Yu. Korolyova</i>	
Memorials: church genre and vernacular religiosity	
(the problem statement).....	199
<i>Olga V. Belova</i>	
Conversations with the Commissioner. Pages from the life	
of the Jewish community of Smolensk in the 1950s	215
<i>Vadim F. Lurie</i>	
The Manuscript from Tvershchina	231
<i>Daniela Popovic Nikolic</i>	
Folklore archive at the Faculty of Philosophy,	
University of Niš. Towards a digital archive	243

4. Ethnography of Everyday Life: Things, Texts, People

<i>Marfa N. Tolstaya</i>	
Moroz in the field. The beginning.	
Field materials of A.B. Moroz from Polesie	251
<i>Ljubinko Radenković</i>	
Spirits of Svyatki (Yuletide) in Slavic tradition.....	266
<i>Svetlana N. Amosova</i>	
About weather and Khapun. How non-Jewish neighbors of Jews	
perceive their autumn holiday	280
<i>Ksenia A. Fedosova</i>	
Kolya Koshkarev from the Baikal Region – “A man apart”	289
<i>Andrey A. Trofimov</i>	
Magical text before	
and “in the age of [mechanical] reproduction”	301
<i>Inna S. Veselova</i>	
Copper triptychs and crosses.	
Iconography of schism, the Old Believer’s “token”	
and folk crafts of the age of mechanical reproduction	319

<i>Vera A. Komarova</i>	
Features of the North Russian Maslenitsa (based on the materials of the RSUH Laboratory of Folklore Studies).....	335
<i>Nadezhda N. Rychkova</i>	
Church vs club. The memory of place in rural community narratives	355
<i>Natalia A. Savina</i>	
Ivan Yakovlevich Koreisha in the Yegoryevsk museum	374

5. In Honor of the Jubilarian: Methodology, Fieldwork, Dialogues

<i>Natalia S. Petrova</i>	
Reflections on the concept of “folklore” in the context of teaching folklore disciplines.....	399
<i>Pavel S. Kupriyanov</i>	
Conversations about dreams in the field, in the book, on stage	406
<i>Maria A. Agafonova, Siuzanna P. Selchenkova</i>	
“When it comes to June-July, my heart skips a beat”. How HSE students frame folklore expeditions	437
<i>Nikita V. Petrov</i>	
Fieldworker-interlocutor relations. Oral history and personal memory of Moscow in scholarly conversation	454
<i>Liliya R. Khafizova</i>	
The Kargopol journey. Ten years later.....	507
“Field Diary”: Memories of expedition participants from different years	519
Bibliography of A.B. Moroz’s works	557

Предисловие

Эта книга – выражение искренней признательности и добрых чувств к Андрею Борисовичу Морозу. Она подготовлена его коллегами, друзьями и учениками – теми, чей профессиональный, а порой и жизненный путь в самом широком смысле, были во многом определены встречей с ним (мы, разумеется, знаем, насколько сам юбиляр не любит высокопарных слов в свой адрес, но жанр вступительной заметки к фештшрифту позволяет – а в каком-то смысле и обязывает – прибегнуть к ним).

Андрей Борисович (известный многим под экспедиционным шифром АБМ) – один из ведущих специалистов в области традиционной славянской культуры. Его научные интересы охватывают широкий круг тем: славянская этнолингвистика¹, взаимодействие фольклора и книжной традиции², народная религиозность³ и низшая мифология⁴, локальные нарративы⁵ и городской фольклор⁶, а также культура

¹ См., например: *Мороз А.Б.* Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 212–233; *Мороз А.Б.* Странствия души на том и этом свете: современная севернорусская традиция // *Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. Том 1. Dusza w oczach świata. Warszawa, 2016. S. 435–454. Библиографию работ А.Б. Мороза см. в конце сборника.

² См., например: *Белова О.В., Мороз А.Б., Ясинская М.В.* Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного пограничья. М., 2023; *Мороз А.Б.* Паралитургическая рукописная традиция в современном фольклоре конфессионального пограничья // *Slavica Slovaca*. 2020. Т. 55. № 3. С. 333–345; *Moroz A., Pigin A.* Studies into the Folk Hagiography of the Russian North: Judas Koneschelsky // *Scrinium. Journal of Patrology and Critical Hagiography*. 2019. Vol. 15. P. 277–296.

³ См., например: *Мороз А.Б.* Святые Русского Севера. Народная агиография. М.: ОГИ, 2009 (переизд: *Мороз А.Б.* Народная агиография: устные и книжные основы фольклорного культа святых. М., 2017); *Белова О.В., Мороз А.Б.* Народное православие на пограничье: Обряд Свеча и его версии // *Фолклористика*. № 4. 2019. С. 9–61.

⁴ См., например: *Мороз А.Б.* «Старичок». Опыт описания мифологического персонажа // *Славянский и балканский фольклор*. Вып. 11: «Виноградье» / Отв. ред. А.В. Гура. М., 2011. С. 121–130; *Мороз А.Б.* Гривастые волки в Каргополье // *Русский Север. По страницам летописи веков Каргополья*. М., 2014. С. 106–137.

⁵ См., например: *Мороз А.Б.* Молитвенные пещеры в Каргополье: история и нарративы // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира. К юбилею С.М. Толстой. М.: Индрик. 2013. С. 292–301; *Мороз А.Б., Семиврагова Э.С.* Животворящий крест

Русского Севера во всем его многообразии⁷. Помимо прочего, он специалист по славянским языкам и автор учебника по церковнославянскому языку⁸.

Материалом для многих его исследований стали полевые записи, сделанные в разных регионах – от Полесья до Тюменской области и от Кавказа до Русского Севера. Экспедиционная биография АБМ началась еще в студенческие годы, когда он, обучаясь на славянском отделении филологического факультета МГУ, оказался на спецсеминаре Никиты Ильича Толстого, который позднее стал руководителем его дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации⁹. Именно тогда, по собственному признанию Андрея Борисовича, фольклор впервые открылся ему как вполне живое явление и как головоломка, которая требует расшифровки¹⁰. В 1983–1984 гг. он был участником знаменитой Полесской этнолингвистической экспедиции Института славяноведения РАН, которая оказала большое влияние на его исследовательскую оптику.

Благодаря этому опыту сформировался принцип работы экспедиций, которые впоследствии Андрей Борисович стал организовывать самостоятельно. С 1993 г. он – бессменный руководитель фольклорной экспедиции Лаборатории фольклористики Историко-филологического факультета (истфила) РГГУ. В ее основе – планомерное обследование территории: год за годом экспедиция работает в каждом селе (или кусте деревень) района. В Архангельской области обследованы Каргопольский (1993–2003 гг.), Няндомский (2004–2007 гг.) и Вельский (2009–2020 гг.) районы, частично – Плесецкий (2008 г.),

в с. Годеново: между двух сакральных центров и за их пределами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39. № 3. С. 184–208.

⁶ См., например: Мороз А.Б. «А вас, Печкин, я попрошу остаться!» Почта России в зеркале нетлора // Городские тексты и практики. Т. 2. Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий. М., 2017. С. 119–129; Мороз А.Б. Почитаемые склепы на Введенском кладбище в Москве: «Черный Спаситель» – история культа // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 163–178.

⁷ Каргопольское путешествие. Семь маршрутов по севернорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем. М., 2014.

⁸ Мороз А.Б. Учебник церковнославянского языка. М., 2016.

⁹ Мороз А.Б. Семантика, символика и структура сербских обрядовых песен календарного цикла: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

¹⁰ См., например, интервью с А.Б. Морозом на портале Booknik.ru, URL: <https://booknik.ru/today/faces/moroz/>. См. также запись передачи «Фигура речи» с его участием на телеканале ОТР, URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/andrei-moroz-23847.html>.

Приморский (2011 г.) и Лешуконский (2014, 2018 гг.), с 2021 г. экспедиция проходит в Устьянский районе.

Подход к полевой работе, выбранный А.Б. Морозом, помогает точнее фиксировать изменения в местных культурных особенностях, прослеживать, как и где распространяются те или иные элементы традиции, как они со временем меняются и как связаны между собой соседние ареалы. С 2016 г. на аналогичных принципах выстроена экспедиционная работа Лаборатории теоретической и полевой фольклористики в Высшей школе экономики (Москва). В центре ее внимания – русско-белорусское пограничье (Псковская, Брянская и Смоленская области), а также места проживания переселенцев из этого региона в Тюменской области.

Стиль академической работы Андрея Борисовича – с его точностью в обращении с материалом, вниманием к локальным различиям и чутким отношением к полевому контексту – стал ориентиром для многих его учеников и студентов. Эти принципы находят продолжение как в их самостоятельных исследованиях, так и в коллективных проектах. Среди наиболее заметных результатов многолетней экспедиционной работы – несколько тематических сборников с полевыми материалами¹¹, получивших признание не только в среде специалистов, но и у широкого круга любителей культуры Русского Севера: эти издания послужили источником вдохновения для авторов художественно-документальных фильмов и спектаклей¹².

Не менее значимым результатом работы экспедиций стало формирование двух солидных электронных архивов с расшифровками полевых записей: один – по Русскому Северу, второй – по русско-белорусскому пограничью. Оба ресурса снабжены системой индексации и поисковыми инструментами, что делает их

¹¹ Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под общ. ред. А.Б. Мороза. М., 2013 (переиздания – 2016, 2023 гг.); Между мифом и историей: мифология пространства в фольклоре Русского Севера / Сост. А.Б. Мороз, Н.В. Петров и др. М., 2016 (2-е изд. 2024 г.); Фольклорный путеводитель по Каргополью (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост.: А.Б. Мороз, Н.В. Петров и др. М., 2019; «С четверга на пятницу...» Рассказы о сновидениях в фольклоре Русского Севера / Сост. А.Б. Мороз, Н.В. Петров и др. М., 2020.

¹² Например, при создании фильма «Сказки о маме» (реж. С. Горленко, 2018) использовались материалы книги «Между мифом и историей: мифология пространства в фольклоре Русского Севера», при создании спектакля «Северные сказы. Русские сны» (С. Старостин, Т. Бондаренко, Фонд сохранения культурного наследия «Наследие Севера») – материалы книги ««С четверга на пятницу...» Рассказы о сновидениях в фольклоре Русского Севера».

уникальными и незаменимыми для современных фольклористических и этнолингвистических исследований¹³. Их появление стало возможным благодаря устойчивому интересу Андрея Борисовича к цифровым технологиям и переводу данных в электронный формат. Кажется, экспедиции под его руководством – одни из немногих, где записи интервью расшифровываются прямо во время выезда и становятся доступными для работы практически сразу после возвращения, тогда как во многих других исследовательских коллективах расшифровка может растягиваться на месяцы после завершения поля.

Студенческие экспедиции на русско-белорусское пограничье продолжили масштабные проекты 2011–2017 гг., когда международная команда исследователей из России и Беларуси изучала язык и фольклор пограничных регионов: Смоленской области, Витебской и Могилевской областей, а также Подляского воеводства в Польше (Подляшья). Материалы, собранные за годы работы, легли в основу двух сборников материалов под редакцией А.Б. Мороза¹⁴.

В 2000-е гг. Андрей Борисович начал участвовать в проектах Центра научных работников и преподавателей «Сэфер» и Центра библеистики и иудаики РГГУ, которые совместно проводили школы-экспедиции в Черновицкую область Украины и в Молдову (т. е. в исторические регионы – Буковину и Бессарабию, где традиции славяно-еврейского этнокультурного соседства насчитывали несколько столетий). АБМ стал не только постоянным участником, но и руководителем этнографических команд. В Черновцах, Кишиневе, Бельцах участникам экспедиций еще удалось застать живую еврейскую традицию – собеседников, помнивших обычаи и повседневную жизнь довоенных общин. Яркий эпизод в одной из этих экспедиций – «глубокое погружение в традицию» и участие «начальника» в празднике дарования Торы в черновицкой синагоге, где он не только получил в руки свиток, но и, по воспоминаниям очевидцев, «восплясал» с ним, вызвав одобрительные возгласы танцующих правоверных евреев.

Позднее Андрей Борисович продолжил участвовать в школах-экспедициях «Сэфера» – в белорусских местечках с непростой историей и удивительными локальными легендами: в Желудке (2012 г.),

¹³ Сайт Фольклорного архива лаборатории фольклористики РГГУ: www.north-folklore.ru; сайт Фольклорного архива факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ: <https://folklore.linghub.ru/>

¹⁴ «Петух на три области поёт...» Фольклорная традиция белорусско-русского пограничья / Под общ. ред. А.Б. Мороза. М., 2022; «Когда сосна корнем вверх приживется...» Фольклорная проза белорусско-русского пограничья / Под общ. ред. А.Б. Мороза. М., 2023.

Лепеле (2014 г.), Глубоком (2015 г.), Бешенковичах (2016 г.), а в 2023 г. – и во Владикавказе. И везде он оставался тем же строгим, внимательным к деталям и вовлеченным руководителем этнографического потока – человеком, который задает тон всей работе в поле.

Именно в первых «еврейских» экспедициях Андрей Борисович увлекся изучением «городского текста» – этот интерес затем получил развитие в исследованиях малых городов русско-белорусского пограничья (Велижа, Россон, Новозыбкова, Себежа)¹⁵, а также в изучении городского фольклора Москвы. Начиная с 2012 г. на базе Лаборатории фольклористики РГГУ и Лаборатории теоретической фольклористики РАНХиГС совместно с Никитой Петровым реализуется проект «Фольклорная карта Москвы», направленный на выявление, описание и картографирование фольклорных сюжетов, текстов и практик столицы и Подмосковья¹⁶.

Last but not least – нельзя не сказать отдельно о преподавательской деятельности Андрея Борисовича. В первые годы после окончания университета он работал учителем русского языка и литературы в московской школе № 67 – именно там, когда он сам был школьником, под влиянием Льва Иосифовича Соболева у него и возник интерес к филологии. С начала 1990-х гг. имя Мороза неразрывно связано с истфилом РГГУ, где под его началом работает Лаборатория фольклористики и где он занимает должность профессора на кафедре славистики и центральноевропейских исследований. С 2013 г. он также возглавляет Лабораторию теоретической и полевой фольклористики в ВШЭ.

За это время в студенческой среде за Андреем Борисовичем прочно закрепилась репутация строгого, требовательного и даже «сурового препода». Его курсы – старославянский язык, русский

¹⁵ Мороз А.Б. «Еврейский текст» города Велижа // *Круг жизни в славянской и еврейской культурной традиции*, М., 2014. С. 385–395; Мороз А.Б. Еврейский Лепель глазами сельских жителей // *Лепель: память о еврейском местечке*. М., 2015. С. 35–52; Мороз А.Б. «Столько истории в этих стенах...»: история Глубокого через призму истории одного дома // *Глубокое: память о еврейском местечке*. М., 2017. С. 265–273; Мороз А.Б. Локальный текст приграничного города Себежа // *Живая старина*. 2020. № 3. С. 2–5.

¹⁶ Moroz A. The Folklore Map of Moscow project // *Intangible heritage of the city. Musealisation, preservation, education*. Kraków, 2016. P. 17–27; Петров Н.В. Современный мегаполис в устных рассказах и неинституализованных ритуалах («фольклорная карта Москвы») // *Ситуация постфольклора: городские тексты и практики*. М., 2015. С. 64–88; Мороз А.Б., Петров Н.В. О проекте «Фольклорная карта Москвы» // *Живая старина*. 2018. № 1. С. 38–41.

фольклор и другие – давно обрели почти легендарную славу: из года в год старшие курсы пугают младших, что «сдать Морозу – невозможно». Вместе с тем профессор стал постоянным героем студенческого фольклора. На основе его фотографий и высказываний уже не одно поколение создает мемы, каламбуры, стикеры и прочие формы интернет-фольклора. Один из студенческих пабликов, например, носит название «морозные будни», в речи студентов регулярно встречаются шуточные фразы вроде «Мороз не страшен, когда впереди весна» или «мороз по коже», а среди памятных подарков, врученных ему однажды после экспедиции, – брендированная кружка из Тюмени с надписью «Мороз – лучшее, что у нас есть». При этом сам АБМ относится к этой фольклоризации с самоиронией и охотно поддерживает шутки над собственной фамилией – может назвать себя Дедом Морозом (что вполне соответствует его семейному статусу) и охотно читает перед Новым годом научно-популярные лекции об этом персонаже, а в качестве звонка на его телефоне уже много лет стоит мелодия песни «Ой, мороз, мороз...»

Те же, кто разделял с Андреем Борисовичем экспедиционный быт и продолжает личное общение, знают его как человека душевного, внимательного и обладающего к тому же отличным чувством юмора (в этом отношении показательна характеристика Мороза в одном студенческом паблике: «Иван Грозный внешне, с очень доброй душой»). Среди же коллег Андрей Борисович известен как исследователь, отстаивающий принципы академической честности и добросовестности: неслучайно в 2013–2018 гг. он был выбран председателем Комиссии по фольклору Международного комитета славистов. Благодаря своим человеческим и профессиональным качествам вокруг АБМ уже много лет существует живое сообщество учеников, коллег и единомышленников, а лаборатории в РГГУ и ВШЭ давно стали местами притяжения – пространствами, где неизменно собираются студенты и выпускники разных лет.

Всю свою профессиональную жизнь Андрей Борисович проводит в окружении людей. Он умеет объединять тех, кому интересно думать, ездить, искать, слушать и записывать – не формально, а по-настоящему, с интересом и включенностью. Именно идея коллективности, взаимной поддержки и общего дела стала центральной для сборника, подготовленного в его честь.

Слово «толока», вынесенное в заголовок сборника, может показаться незнакомым или странным: кого-то оно смутит своей архаичностью, кого-то – стилизованной «народностью», а кто-то, возможно, увидит в нем намек на модную эстетику «нового

русского стиля» (так называется, например, один из современных фольклорных ансамблей).

Если же следовать академическому подходу самого АБМ и обратиться к Словарю русских народных говоров, можно обнаружить, что «толока» – слово многозначное. В словарной статье приводится пятнадцать значений, зафиксированных в самых разных регионах – от Русского Севера до Одессы, от Литвы до Забайкалья. Толокой называют и молотильный ток (Ворон.), и пастбище (Южн.), и вытопанную землю (Ворон., Нижегород.), и сани с короткими полозьями (Арх.), а также шум (Пск., Твер.) или отруби с примесью муки (Забайкалье). Ударение в разных говорах при этом варьируется – может падать на первый, второй или третий слог.

Но главное значение, объединяющее множество региональных вариантов, – это совместный труд: когда односельчане собираются, чтобы помочь друг другу – построить дом, убрать урожай, вывезти сено. Делают это «толокой» – все вместе, с угощением и без расчета на оплату.

В «картине мира» Андрея Борисовича и его экспедиционного окружения «толо́ка» имеет свое особое значение: это собрание ближе к концу полевого выезда, когда участники вместе обсуждают записанные материалы, обмениваются находками, формулируют вопросы, на которые не удалось получить ответов от информантов. На таких встречах каждый делится своим опытом, помогает другому разобраться в сложных вопросах, подсказывает, как искать новые сведения. В этом контексте толока – это символ коллективного труда, взаимной поддержки и радости от совместного осмысления нового материала.

Этот сборник – настоящая толока в лучших традициях: когда каждый вносит свой вклад, а в результате рождается нечто большее, чем простая сумма статей. Мы надеемся, что он станет не только подарком юбиляру, но и еще одним важным шагом в осмыслении народной культуры.

Пусть впереди будет еще много открытий, встреч и совместной работы.

С днем рождения, дорогой АБМ!

Рукописные кириллические тексты восточной Словакии:
Иоанн Югасевич – книжник Мукачевской греко-католической церкви
второй половины XVIII века*

Петер Женюх

*PhDr., Dr. of Sci. (Philology), профессор
Университет имени Яна Амоса Коменского в Братиславе,
Братислава, Словакия, zenuch1@uniba.sk*

Аннотация. Изучение письменной традиции позволяет лучше понять развитие языковой и культурной среды. В греко-католической церкви под Карпатами работали книжники, которые активно участвовали в создании кириллических памятников, но сегодня они малоизвестны или почти неизвестны. Статья посвящена развитию греко-католической кириллической письменной традиции в XVIII–XIX вв., прежде всего на примере писцовой деятельности Иоанна Югасевича. Рассматриваются также современные условия исследования кириллических рукописных памятников в Словакии.

Ключевые слова: кириллические рукописные памятники, восточная Словакия, архивные и полевые исследования, книжники, Иоанн Югасевич

Handwritten cyrillic texts of Eastern Slovakia.
Ioann Juhasevič – the scribe of the Mukachevo Greek Catholic Church
of the second half of the 18th century

Peter Žeňuch

*PhDr., Dr. of Sci. (Philology), Professor
Comenius University Bratislava,
Bratislava, Slovakia, zenuch1@uniba.sk*

Abstract. Research into written traditions provides valuable insights into the development of linguistic and cultural environments. Within the Greek Catholic Church under the Carpathian Mountains there were scribes who actively participated in the creation of Cyrillic monuments. However, at present they are little known or almost unknown. This paper describes the development of the Greek Catholic Cyrillic written tradition in the 18th and 19th centuries, mainly by the example of the scribal work of Jan Juhasevic. It also discusses the current conditions of research on Cyrillic manuscript monuments in Slovakia.

Keywords: cyrillic manuscripts, Eastern Slovakia, archival and field research, scribes, Ján Juhasevič

© Женюх П., 2025

* Статья подготовлена в рамках проекта APVV-22-0088 “What do Slovak archives hold? The Spiritual Legacy of the East in the West”.

В XVI–XVII вв. книжная традиция в славянском мире продолжала развиваться благодаря скрипториям. В среде византийско-славянской церкви под Карпатами скрипторская деятельность сохранялась в течение еще двухсот лет, то есть до конца XVIII или даже до начала XIX в. Книжная деятельность в первую очередь была связана с переписыванием разных текстов. Скриптории не только создавали рукописи, но и участвовали в обогащении литературной традиции, а одновременно с этим обучали и распространяли основные принципы веры. Таким образом в рукописных собраниях сохранилась общая картина жизни человека своего времени и бытовых потребностей общества, для которого писались отдельные тексты.

В условиях Мукачевской греко-католической епархии, не имевшей собственной типографии (с конца XVII в. книги для мукачевских греко-католиков печатались в Трнаве, а позднее в Вене и Пеште), местные книжники занимались в основном переписыванием литургических книг, которые были востребованы как товар. За свою работу писцы получали оговоренную плату – чаще всего в виде денег, но также и в виде других жизненно необходимых вещей, в частности полотна, скота, домашней птицы и т. д. Нередко книжники переписывали сборники текстов в домах богатых домохозяев, особенно в зимние месяцы. Свидетельства такой деятельности можно найти в дарственных надписях на полях рукописных сборников, где приводятся подробности, например, о том, как и где была написана та или иная книга, сколько за нее заплатили, кому она принадлежит, кто ее заказал, а иногда упоминается и переписчик.

С точки зрения производства книг более важными являются сведения о местности, в которой происходило их создание. Как правило, речь идет о книжных центрах или центрах переписчиков. К ним, в частности, относились монастырские мастерские со школами книжников. Однако деятельность книжников возникала и развивалась и в более крупных приходских центрах – например, в крупных деревнях или городских поселениях.

Так называемый епархиальный устав 1755–1758 гг., составленный епископом Мануэлем Михалом Ольшавским (1700–1767 гг.) для Мукачевской епархии по итогам его визитаций церковных общин, свидетельствует о том, насколько важной была скрипторская работа приходских общин. В документе, в частности, содержится указание на то, что в каждой приходской общине следует создать школу, где священник, дьячок или кантор должны обучать верующих общины грамоте – письму и чтению. 4-й пункт этого устава мотивирует священника местного прихода к созданию такой

школы тем, что образованный крестьянин – это образ духовника. Свое положение М.М. Ольшавский дополнил цитатой из Евангелия от Матфея, где говорится, что если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму (Мф. 15:14)¹. Исходя из сказанного выше, каждый священник в первую очередь был обязан постоянно заниматься грамотой, чтобы иметь возможность обучать своих прихожан. К этому можно добавить, что в 18-м правиле устава М.М. Ольшавского говорится, что священники обязаны писать свои собственные тексты проповедей и толкований на Евангелия на воскресные дни и четыре раза в год присылать их в епархиальную канцелярию в Мукачево в доказательство своей профпригодности и работы по просвещению верующих².

Следует отметить, что такие толкования были написаны не на литургическом, а на сильно вернакуляризированном языке («проста мова»). Известно, что, для коммуникации с Богом не используется язык повседневного общения человека с человеком. Для духовной коммуникации служит особый язык, «значение которого полностью открывается не каждому, а только особенным людям <...> в религиозных сообществах заумная речь воспринимается со знаком «плюс», а овладение ею предполагает переход на более высокую ступень духовного совершенствования человека» [Мороз 2018: 160].

Следует предполагать, что тексты подвергались и своеобразной церковной цензуре. М.М. Ольшевский стремился не только сохранить, но и развить книжную традицию в среде Мукачевской епархии. Это стало условием для возникновения разных толкований и переводов отдельных мест Священного Писания и других духовных текстов на простой местный язык. Таким образом, писцовая традиция в среде Мукачевской греко-католической церкви может рассматриваться как свидетельство лингвокультурной культивации общины верующих, развиваться которой помогали прежде всего обученные книжники.

К сожалению, большинство этих книжников так и остались анонимными, равно как не существует полных биографических данных об отдельных переписчиках. О результатах их работы можно узнать только из редких упоминаний на полях созданных ими рукописей. Записи приходских реестров, которые также

¹ ...і просто рецїї їакїї хлѡпз, такїї попз, і вопреки їакїї попз такїї хлѡпз, чїто дївно їще слїпїї слѣпаго ведегтз, їба в рѣ оўпадѣтз... [Zubko, Žeňuch 2019: 72].

² Вождін парѡ по трѣ мѣхъ повѣненъ вѣдетъ казаніе свое ѡ покаїнін, оўчїнѣное намъ писмѣно препослѣти... [Zubko, Žeňuch 2019: 78].

содержат информацию о социальном статусе и трудовой деятельности прихожан, начали систематически создаваться только в 60–70-е гг. XVIII в. Обязанность записывать в реестры не только рождения, браки и смерть прихожан связана с административной реформой, принятой в то время Габсбургами.

Иоанн Югасевич Склярский (1741–1814 гг.) – один из известных грекокатолических книжников и канторов, работавших в среде Мукачевской епархии, где занимались переписыванием и созданием сборников литургического и нелитургического религиозно-духовного характера, – правда, за приличное вознаграждение. В отличие от других переписчиков, до нас дошли некоторые сведения о жизни Иоанна Югасевича Склярского. Он родился в 1741 г. в деревне Прикра Шаришского округа. Его отец был стекольщиком с собственной мастерской, отсюда и его вторая фамилия – Склярский. Иоанн Югасевич обучился переписыванию церковных книг и украшению их миниатюрами и орнаментами в Галиче. В некоторых других записях на полях переписанных Югасевичем книг уточняется, что он учился книжному ремеслу во Львове в братской школе. Известно, что в этой школе преподавались бесплатные уроки, в основном письмо, чтение, пение и грамматика [Исаевич 2009: 340]. Позже эта школа перешла под покровительство иезуитов и стала академией. В одной из первых книг, которые переписал Югасевич (это был Литургикон 1759 г.), есть запись о том, что он занимался этим, будучи студентом этой братской академии, по заказу церковной общины его родного села Прикра [Панькевич 1970: 21].

На полях одного из рукописных ирмологионов (сборник церковных песнопений с нотами), написанных Югасевичем в 1795 г., находится еще один короткий биографический текст о нем, написанный на латыни священником Андреем Буковским. Тот жил в селе Симерки близ Перечина в Закарпатской области Украины, и именно он, вероятно, был владельцем рукописного ирмологиона 1795 г., в котором и сделал запись о переписчике на латыни³. Из его

³ “Hic loci ecclesiae servivit exemplariter per 20 annos, obit 73 aetatis suae anno, scripsit 30 Irmologion (sic!) et complures alios libros, gessit complura munia, uti iudicis pagensis, cauponis, ecclesiae curatoris et cantoris, fabricator rotarum, industrius cultor agrorum, magnus typikista, amoenae vocis, erga pauperes elemosinarius, ecclesiam primus intravit, ultimus exivit; sepultus extra ecclesiam penes cantonale crilosz 15 Dec. st. vet. anno 1814. // Hunc modum scribendi libros diversos apud certum parochum in Polonia didicit. Postea, redus ad patriam suam I. C. Sarosiensis, qua jam cantor, iude inchoando usque mortis suae ultimam diem omni die excepto infirmitatis alicujus intervallo et prima die Paschatis, urgentissimo etiam tempore, libros scriptitavit. Mors ejus incidit

комментария, опубликованного А. Петровым, известно, что искусству переписывания книг Югасевич учился у священника в Польше, а после обучения вернулся в родное село Прикра Шаришского округа и стал кантором, учителем и книжником [Петров 1906: 87–88].

Иоанн Югасевич был также инициатором проекта церкви Святого Михаила Архангела в своем родном селе Прикра, которая была построена в 1776 г. Запись об этом находится в святилище деревянной церкви, которая до сих пор стоит в этой деревне на востоке Словакии. В 1794 г. Югасевич начал трудиться в деревне Невицке (рядом с Ужгородом и Перечином) и умер там же спустя двадцать лет в 1814 г.

Всю жизнь он посвятил скрипторию, составляя сборники церковных песнопений с нотами, к которым он добавил светские народные песни, записанные им среди жителей восточной Словакии и Закарпатской области Украины, а также пословицы и поговорки. Зная разные варианты духовных текстов песен и их мелодий, он выбрал и записал наиболее удачные. Фактически он был редактором церковных богослужебных текстов и духовных песен разных жанров (как литургических, так и паралитургических). Его адаптации отвечали потребностям церковной жизни того времени, которые были типичны для местной греко-католической среды, сформировавшейся на границе между западной католической и восточной православной традициями. Этот контекст также определял его деятельность как писателя и компилятора.

in diem Dominicam, qua matutinum sacrum et vespas eminenter decautavit, post vespas Georgio, nepoti suo, Irmologion praecantabat, coenavit, decubuit, per horam dormivit, surexit, taudem correptus seria antiqua sua tussi ruptisque internis venis, sanguinem instar jugulati bovis una cum anima exmisit per os absque ulla spiritali dispositione perprius procrastinata”.

Вольный перевод (П. Ж.): [Ян Югасевич] служил в местной церкви 20 лет. Он умер в возрасте 73 лет. Написал 30 ирмологионов и несколько других сборников (книг). Он был сельским старостой, корчмарем, церковным куратором, работал в поле, но прежде всего он был великим книжником, а как церковный песнопевец обладал прекрасным голосом, был набожным, первым входил в церковь и последним выходил из нее. Он похоронен перед церковью 15 декабря 1814 года. // Он научился писать книги у священника в Польше. После учебы он вернулся в родную деревню в Шарише, где уже был известен как певец. До последнего дня он писал книги. Он писал их каждый день, за исключением перерыва, связанного с болезнью, а также в первый день Пасхи. По состоянию здоровья в конце жизни он уже не приходил на утренние и вечерние службы. В воскресенье после ужина он прилег, предварительно, однако, пропев из ирмологиона своему внуку Георгию. Его охватил кашель, и он начал отхаркивать кровь и вскоре умер.

Исследователи писцовой техники Югасевича отмечают, что он переписал около сорока рукописных книг, украсив их множеством собственных миниатюр и специфических тематических иллюстраций. В его изображениях прослеживается влияние гравюр, а также храмовой иконографии и орнаментов фресок. Для оформления рукописей характерны растительные мотивы и геометрические узоры, которые были вдохновлены народным декоративным искусством: подобные мотивы широко использовались для украшения утвари [Сопко 2017]. Особое внимание он уделял оформлению начальных букв.

Югасевич был одним из последних профессиональных книжников в Восточной Словакии и в Закарпатской области Украины. Рукописные произведения Югасевича находятся в собраниях музеев и архивов, в библиотеках церквей и монастырей, а также в частных коллекциях в Украине, Словакии, Венгрии, Чехии, и, предположительно, в Румынии.

Пока известны или идентифицированы лишь некоторые из его ирмологионов⁴. Считается, что Югасевич переписал около тридцати, но в литературе описаны только десять из них. При этом местонахождение некоторых из этих сборников в настоящее время неизвестно. Например, последним известным местом хранения ирмологиона 1778–1779 гг. стал монастырь редемптористов⁵ в Михаловце [Панькевич 1970: 95], однако его нынешнее местонахождение неизвестно, как и ирмологиона 1795 г. (см. упоминание о нем: [Петров 1906: 87–88]).

Другие сборники находятся в частных архивах, как, например, ирмологионы 1806 г. и 1809 г. Последний находится в частной коллекции семьи Невицких в селе Каменка на Спише. Его изучением занималась в Греко-католическом епископстве в Братиславе М. Прокипчакова [Prokírčáková 2018: 64–72]. Известно, что ирмологион 1784–1785 гг. хранится в Историческом музее во Львове [сигн. 209], ирмологион 1800 г. – в Словацком национальном музее в Братиславе [сигн. MUS I 80], ирмологион 1811–1812 гг. – в Национальной библиотеке в Праге [сигн. XVII-L-16], ирмологион 1800–1801 гг. – в Греко-католической духовной семинарии

⁴ Ирмологион – богослужебная книга, содержащая установленные ирмосы, церковные песнопения и молитвы. В основном каноны состоят из ирмосов, тропарей, кондаков и т. д., затем идут стихиры, так называемые стихология и апостихи [например, догматики] и т. д. [Ђурица 2015: 391].

⁵ Название монашеского общества происходит от латинского слова *Redemptor*, что означает ‘Искупитель’. В рамках католической церкви существует религиозная община духовенства византийского обряда, которая находится в восточной Словакии в г. Михаловце.

в Ньиредьхазе [сигн. MS 2003], ирмологион 1803 г. – в Музее украинской культуры в Свиднике (северо-восточная Словакия).

Среди других знаменитых рукописей Югасевича надо упомянуть *Литургикон* 1759 г., *Типикон* 1800 г., *Минеа* [Восслѣдованіє] 1802 г., *Евхологион* 1805 г., *Псалтирь и Апокалипсис* 1805 г., *Триодь* 1807 г., *Церковный календарь со сборником пословиц и поговорок* 1806 г. (подробнее см.: [Мушинка 2015]). Панькевич также упоминает их в своей описи маргиналий на рукописных и печатных книгах, которые он изучал в период с 1946 по 1952 гг. во время полевых исследований в греко-католических приходах и церквях восточной Словакии [Панькевич 1970]. Некоторые из кириллических письменных памятников были переданы в архивы Словакии. Кроме Панькевича кириллические рукописные и печатные памятники в Словакии исследовали П. Шима [Шима 1968; Šima 1969], Р. Клеминсон [Cleminson 1996] и Й. Шелепец [Šelepec 2009].

В начале 1990-х гг. рукописные кириллические памятники на основании принципа реституции были возвращены Церкви. До сих пор неизвестно, какие из этих памятников попали в архивы и музеи в 1950-е гг., поскольку процесс их каталогизации не был систематическим и до 1990-х гг. не окончился. Во многих архивных фондах описи письменных памятников не проведены до сих пор. Часть письменных памятников могла быть также утеряна при сортировке. Реституция церковного имущества замедлила и без того небыструю каталогизацию архивных материалов, а уже в начале 1990-х гг. это отразилось на работе с кириллическими письменными памятниками в Словакии.

В период 2000–2009 гг. исследовательская группа, в состав которой вошли Петер Женюх, Петер Шолтес, еп. Милан Лах, Марина Валенцова, Марфа Толстая и др., проводила дополнительные полевые исследования, чтобы собрать актуальные данные о нахождении рукописных кириллических памятников на территории восточной Словакии. В настоящее время ведутся архивные исследования, связанные с документированием и идентификацией памятников кириллической письменности *in visu*.

На сегодняшний день мы не располагаем информацией о многих отдельных памятниках или их собраниях, которые были известны, например, Ю. Яворскому, А. Петрову, В. Гнатюку, А. Шлепецкому и другим исследователям кириллической письменности в Словакии. Некоторые из них не удалось обнаружить и во время полевых исследований 2000–2009 гг., в ходе которых задокументированные и оцифрованные материалы были переданы в архиепископскую канцелярию в Прешове. В настоящее время Петер Женюх, Светлана

Шашерина и Эрика Бртанева ведут работу по идентификации кириллических памятников, хранящихся в архивах и музеях Словакии. В 2023 г. было выявлено и оцифровано двенадцать рукописных источников (евангелия, апостолы, менологии, типикон, часослов, книга поучений и две кириллические метрики) в фонде Red-Mi (редемптористы в Михаловце) Государственного архива в Прешове-Шебастовой, упомянутых Панькевичем [Панькевич 1970] и Клеминсоном [Cleminson 1996]. В рукописном фонде Государственной научной библиотеки в Прешове удалось изучить девять рукописей (евангелия, апостолы, сборник догматики, типикон и ирмологион), к которым в конце 2024 г. добавилось еще четырнадцать рукописей из Музея украинской культуры в Свиднике и из Шаришского музея в Бардееве. Эти кириллические письменные памятники войдут в каталог, для которого исследовательская группа с 2000 г. собирает архив оцифрованных копий кириллических рукописей.

Рассмотрим более подробно рукописную книгу Югасевича *Акафистник* (основную информацию о рукописи см.: [Cleminson 1996: 103–105] и [Selepec 2009: 9–14]), которую он составил в 1788–1789 гг. Это очень объемная рукопись с собранием акафистов и других молитв на различные потребности. Рукопись состоит из 865 страниц с кириллической пагинацией, украшенных виньетками, декоративными инициалами в две-три строки, многочисленными иллюстрациями, линейными рисунками и различными орнаментами со штриховкой. Приведем список акафистов и молитв, включенных в эту рукопись. Тексты сопровождаются комментариями, когда и кто их поет или читает как молитвы.

Акафист сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу, который поется по воскресеньям или в случае особой необходимости.

Канон Божественному и преславному Святому Духу Параклиту, творение монаха Максима Святогорского.

Акафист Пресвятой и Единосущной Троице.

Акафист Пресвятой Богородице, поется на праздник Благовещения.

Акафист святым Михаилу и Гавриилу Архангелам и прочим бесплотным небесным силам, поется по понедельникам, по необходимости или по желанию верующих.

*Канон Ангелу Хранителю, читается в воскресенье вечером или в понедельник утром за трапезой*⁶.

Этот комментарий свидетельствует о том, что при составлении сборника акафистов Югасевич опирался на евхологий, предназначенный для монашеской жизни. Нельзя предположить, что в домах простых верующих или канторов за трапезой читались обширные молитвы и каноны акафистов.

Акафист святому Иоанну Пророку и Предтече и Крестителю Христову, который поется по вторникам или в случае необходимости.

Акафист святой и всегда прославляемой великомученице Варваре.

Акафист Успению Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, который поется по средам или по необходимости, или из любви верующих к Пресвятой Богородице.

Акафист преподобному отцу нашему Онуфрию, персидскому князю, прожившему жизнь в пустыне, поется по средам или в любое другое время по желанию верующих.

Акафист святым и верховным апостолам Петру и Павлу, а также всем святым апостолам, который поется по четвергам или по необходимости.

Акафист святителю Николаю, Святителю и чудотворцу Христову, который поется по четвергам или по необходимости.

Акафист Святым Страстям Христовым, который должно петь по пятницам или тоже по необходимости.

Акафист пречестному и животворящему Кресту Христову, который поется тоже по пятницам или по необходимости.

Акафист Покрова Пресвятой Богородицы, который поется в субботу или по необходимости. Начало такое же, как в акафисте Благовещению Пресвятой Богородицы.

Акафист всем святым, поется в субботу или по необходимости.

⁶ Пѣваемое въ нѣдѣлю вечерѣ, или въ понедѣльникъ рано на единѣ.

Акафист в субботу, в день живоносного гроба Господня написан вместе со службой Воскресения Господа и Бога нашего Иисуса Христа для тех, кто желает читать этот акафист из любви к Богу.

Акафист Страстям Христовым и о душах, томящихся в чистилище в надежде на вечную жизнь. Акафист предлагается петь по субботам, потому что именно в это время его нужно петь.

Покаянный канон Господу нашему Иисусу Христу.

Параклис Пресвятой Богородице, который поется во всякое время нужды.

Молитвы и размышления во время Святой Литургии, при входе в собор, при различных песнопениях, при служении священника и при выходе из собора.

Молитвы и поучения для готовящихся и приступающих к Святой Исповеди и молитвы о своем исправлении.

Семь покаянных псалмов (псалмы № 6, 31, 37, 50, 101, 129, 142)⁷.

Правило о принятии Святых Тайн для священников и для прихожан.

Молитвы перед сном.

Молитвенное правило о том, что делать и о чем молиться, когда во сне появляются бесовские искушения.

Молитвенное правило о том, как избавиться от злых искушений.

Благодарственный гимн святого Амвросия Миланского на церковнославянском языке⁸.

⁷ К VI в. покаянные псалмы были уже широко известны и распространены. Они были рассчитаны прежде всего на личное посвящение. В западной католической традиции покаянные псалмы произносились по пятницам во время Великого поста, а в эпоху барокко они читались над умирающими. Семь покаянных псалмов часто входили в состав покаянных молитв после исповеди о прощении грехов, о чем свидетельствует и включение их в этот сборник Югасевича после правила исповеди.

⁸ В конце сборника находится благодарность королю Венгрии и императору Габсбургов Иосифу и епископу Бачинскому, а в самом конце уже другим, более современным почерком добавлена первая строфа набожной песни «Агниче страчена, душе зармучена...»

Особую группу рукописей Югасевича представляют сборники паралитургических песен, изучением которых в 1930-е гг. занимался Ю. Яворский [Яворский 1934]. Позднее тексты паралитургических песен из этих сборников, а также из еще более двух десятков других из Спишских, Шаришских, Земплинских и Ужских столиц вышли отдельным изданием [Žeňuch 2006]. В книге есть ссылки на варианты рукописных текстов в других рукописных песенниках восточнославянского (украинского или русского) происхождения.

Особую группу составляют паралитургические песни из сборников, которые использовались в северной Сербии (комитаты Бачка и Срем, Воеводина), где и сегодня живут потомки переселенцев из Восточной Словакии и Закарпатской области Украины. Опубликованный материал представляет полную картину репертуара паралитургических песен восточной Словакии в XVIII–XIX вв., что открывает возможности для дальнейших лингво-исторических и культурно-исторических исследований. В рамках исследования паралитургических песен и богогласников, как печатных, так и рукописных, А. Мороз подчеркивает мультилингвизм народного кириллического паралитургического творчества. Он отмечает, что «для карпатских (украинских и восточнословацких) богогласников характерно использование церковнославянского языка в его украинской редакции (а точнее – подкарпаторусский вариант этой редакции)» [Мороз 2020: 343] и что эти тексты могут «рассматриваться как важный памятник кириллической письменности» [Там же: 345].

Рукописные сборники паралитургических песен Иоанна Югасевича менее известны. Первый и самый старый песенник Югасевича (1761–1763 гг.) приобрел в 1931 г. Юлиан Яворский у священника Симеона Желтвая в Тересве, Подкарпатская Русь [Яворский 1934: 53–76; Žeňuch 2006: 73]. Сборник песен был передан Яворским в Национальную библиотеку в Праге. Сейчас он хранится в Рукописном отделе Национальной библиотеки (сигн. XVII L 15). Текст паралитургических песен в рукописном песеннике отредактирован Югасевичем. В начале стихов пропущены первые буквы, которые он вероятно, хотел добавить и выделить цветом позже. В сборнике также есть пустые листы, которые автор, возможно, планировал заполнить другими текстами. Начиная с листа 143 и до конца сборника песни написаны другим почерком. Это почерк кантора Яна Желтвая (деда или отца священника Симеона Желтвая из села Тересвы в Закарпатской области Украины). Ян Желтвай, автор заключительной части рукописи, стал кантором в Михаловце, о чем свидетельствуют его подпись и маргинальная пометка на л. 161v: Помощь моя ѿ гда сотворшаго нбо и землю, зачало премудрости, помощь моя Иованн Желтвай, джж Мигаловскій 1817.

Второй рукописный сборник паралитургических песен Югасевича (1798 г.) был только кратко охарактеризован Панькевичем [Раїкевич 1951]. К сожалению, его полное описание не было опубликовано, поэтому невозможно выяснить, какие паралитургические песни содержатся в этом песеннике. Панькевич опубликовал только светские песни, которые считал наиболее интересными. До сих пор мы не можем выяснить место его хранения. Панькевич утверждает, что в 1946 г. сборник хранился в приходе в деревне Нижний Жипов (Требишовский район в восточной Словакии) [Панькевич 1970: 12]. Однако в ходе полевых исследований 2000–2009 гг. мы не смогли подтвердить эту информацию: в Нижнем Жипове рукопись не обнаружена.

Третий сборник (1807 г.) хранится в Закарпатском этнографическом музее в Ужгороде. Четвертый песенник (1811 г.) хранится в пражском Памятнике национальной письменности (сигн. XII L 13). Песенник был приобретен у Юлиана Яворского в 1932 г., о чем свидетельствует пометка на передней обложке песенника. Пятый рукописный песенник Югасевича хранится в Рукописном отделе Национального музея в Праге (sign. IX G 29). Нам удалось его идентифицировать в 2002 г., его описание приведено в первом томе издания *Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae* [Žeňuch, Vasiľ 2003: 377–421].

Отдельные части гимнографических сборников разделены тематически в соответствии с праздничным циклом церковного года. Внутри этих циклов отдельные паралитургические песни размещаются тематически, например: песни на Рождество Христово разделены на песни, посвященные Рождеству Христову, на пастырские песнопения (*pastorale*) и на песнопения, посвященные святому Стефану, первомученику Церкви. Аналогичным образом песни периода Великого поста разделены на отдельные темы воскресений постного периода. То же самое относится и к паралитургическим песням для пасхального времени и праздника Пятидесятницы и последующих воскресений.

Тексты песен на церковные праздники и песни, посвященные святым, хронологически расположены по блокам в соответствии с последовательностью праздников и днями почитания святых по византийскому церковному календарю. Что примечательно, открывают сборник песни, приуроченные не к Рождеству Богородицы, как принято в византийской традиции, а к рождению Христа, т. е. в соответствии с календарным циклом праздников по западной (католической) традиции.

Особую тематическую группу составляют паломнические песни и песни к иконам. В основном это тексты, посвященные прославлению Пресвятой Богородицы. Есть также песни о мирской суете, покаянные песни, песни о любви человека к Богу, песни о воскресении

мертвых и о смерти, похоронные и просветительские песни и другие, в которых переплетаются светские и религиозные темы.

Некоторые из песен в сборниках, которые Югасевич записал во время своего пребывания в селе Невицке, содержат исправления или дополнения, сделанные пользователями сборников. Это свидетельствует о том, что сборники, будучи сделанными на заказ, служили потребностям местной религиозной общины и, в частности, кантора.

Иоанн Югасевич был талантливым книжником, певцом, но особенно – составителем рукописных сборников литургического и внелитургического, в первую очередь религиозно-духовного характера. Его книжная деятельность позволяет современному ученому составить представление о продолжительной и систематически развивающейся кириллической книжной традиции в подкарпатской и восточнословацкой среде, входившей в состав исторической Мукачевской епархии.

И в настоящее время верующие греко-католики убеждены, что сохраняют единство мукачевской традиции в контексте церковного служения, восходящего к древней греко-католической церкви в Мукачево. Хотя эти верующие живут в разных языковых и этнических регионах и в настоящее время принадлежат к церковным единицам, организованным в четырех странах – Словакии, Украине, Венгрии и Румынии, – тем не менее они воспринимают себя как прямые наследники мукачевской греко-католической церковной традиции. Однако с церковно-правовой точки зрения эти регионы уже имеют свои собственные языковые и этнические епископии: в Словакии это Прешовская митрополия, Кошицкое и Братиславское епископства; в Закарпатской области Украины – Мукачевское епископство, расположенное в Ужгороде; в Румынии – Марамурешское (Байя-Маре), Орадянское, Ключское и Сату-Марское епископства; а в Венгрии – Хайдудорогское, Мишкольцское и Ньиредьхазское епископства.

Источники и материалы

Петров 1906 – *Петров А.* Дьякъ Невицкій, Югасевичъ, переписчикъ – художникъ // Материалы для истории Угорской Руси. II. СПб., 1906. С. 87–88.

Литература

Исаєвич 2009 – *Исаєвич Я.Д.* Львівська братська школа // Енциклопедія історії України. 6. Ла-Мі / В. А. Смолій (ed). Київ, 2009.

Мороз 2018 – *Мороз А.* «Отчим наш» и «хлеб насущный». Церковнославянский язык в фольклорных текстах: глоссолалия или герменевтика? // *Slavica Slovaca*. 2018. № 2. S. 157–163.

Мороз 2020 – *Мороз А.* Паралитургическая рукописная традиция в современном фольклоре конфессионального пограничья // *Slavica Slovaca*. 2020. № 3. S. 333–345.

Мушинка 2015 – *Мушинка М.* Панькевич Іван Артемович. Час мовчати і час промовляти. Збірка закарпатоукраїнських народних приповідок Івана Югасевича з р. 1806. / Под ред. Н. Ребрик. Ужгород, 2015.

Панькевич 1970 – *Панькевич І.* Матеріали до історії мови південнокарпатських українців // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. Т. 4. Кн. 2. / Упор. А. Куримський. Братислава, 1970. С. 9–192.

Сопко 2017 – *Сопко О.* Рукописна спадщина Івана Югасевича на зламі XVIII–XIX століть. Ужгород, 2017.

Шима 1968 – *Шима П.* Из наблюдений над церковнославянским наследием Словакии. Bratislava, 1968.

Яворский 1934 – *Яворский Ю.* Материалы для истории старой песенной литературы в Подкарпатской Руси. Прага, 1934.

Cleminson 1996 – *Cleminson R. M.* Cyrillic Manuscripts in Slovakia. Martin, 1996.

Ďurica 2015 – *Ďurica J. SJ.* Stručný katolícky teologický slovník. Trnava, 2015.

Paňkevyč 1951 – *Paňkevyč I.* Nové nálezy ukrajinských, polských a slovenských písní a veršů. Zpěvník Ivana Juhaseviče z r. 1798 // *Národopisný věstník československý*. 1951. № 1–2. S. 73–96.

Prokipčáková 2018 – *Prokipčáková M.* Znovuobjavený irmologion Jána Juhaseviča z roku 1809 (rukopis z farnosti Kamienka) // *Slavica Slovaca*. 2018. № 1. S. 64–72.

Šelepec 2009 – *Šelepec J.* Cyrilské rukopisy vo fonde Štátnej vedeckej knižnice v Prešove. Prešov, 2009.

Šima 1969 – *Šima P.* Textovo-kritická štúdia o evanjeliových kódexoch. Bratislava, 1969.

Zubko, Žeňuch 2019 – *Zubko P., Žeňuch P.* Diecézne štatúty Michala Manuela Olšovského z rokov 1752–1758 // *Slavica Slovaca*. 2019. № 3–4. S. 5–100.

Žeňuch, Vasil' 2003 – *Žeňuch P., Vasil' C.* Cyrillic manuscripts from East Slovakia. Slovak Greek Catholics: defining factors and historical milieu. Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae. Roma; Bratislava; Košice, 2003.

Žeňuch 2006 – *Žeňuch P.* Kyrillische paraliturgische Lieder. Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukačevo im 18. und 19. Jahrhundert. Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B. Editionen. Band 23. Zugleich: Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae. II. Köln; Weimar; Wien, 2006.